

□, . • ' * " ` \* • □ □ • \* " ` * ` • , . □

Если бы не Чжао Нанью, который вызвался прочитать ей письма, Сун Луань и не знала бы, что он так много написал ей за последние дни. Чжао Нанью вполголоса читал одно письмо за другим.

У Сун Луань болели уши и мозг. Он чётко выговаривал слова и читал очень медленно, опасаясь, что она чего-то не расслышит.

Когда он всё прочитал, Сун Луань наблюдала, как Чжао Нанью медленно разорвал конверты в руках на куски и разбросал обрывки бумаги по полу.

Чжао Нанью сильно рассердился. Он посмотрел на Сун Луань, которая притворялась, что ничего не слышит. Его губы приподнялись, и он рассмеялся. Внезапно он протянул руку, схватил её за подбородок и спросил:

— Тебя тронули эти письма?

Сун Луань подумала, что ревность главного героя действительно велика. Воздух рядом с ним был полон "кислого вкуса, уксуса и газов". Он боялся, что она его не услышит.

Но с ней тоже поступили несправедливо. Она не писала писем и не получала их.

Чжао Нанью легонько щёлкнул пальцами по её носу.

Вынужденная поднять на него глаза, она прошептала в ответ:

— Я тебя не слышала.

Сун Луань всё ещё была очень умна. Она не смотрела на свои проблемы прямо и старалась избегать неприятностей. Однако Чжао Нанью было нелегко обмануть. Он улыбнулся и сказал:

— Я прочитаю их ещё раз. Но на этот раз ты должна внимательно меня слушать.

Глаза Сун Луань округлились. Разве ты не порвал все письма?

Чжао Нанью с первого взгляда понял, о чём она думает в своём сердце, и сказал:

— У меня неплохая память. Прочитав их всего раз, я могу повторить их тебе по памяти.

Тело Сун Луань одеревенело, а сердце затрепетало. Она дрожащей рукой протянула ему руку. Её тонкие пальцы осторожно обхватили его одежду, она проглотила слюну и дружелюбно заговорила с ним:

— Не надо.

Какой же ты мелочный!

Чжао Нанью посмотрел на неё и взволнованно спросил:

— Как ты думаешь, что я чувствую?

Сун Луань терпеть не могла его лицемерный и угрюмый вид. Если он рассердится, то сразу же выйдет из себя?!

Почему он так медленно мучает её сердце? Это приводило её в ужас.

Она подняла лицо и сказала более громким голосом:

— Ты злишься.

Чжао Нанью кивнул. Он ответил:

— Ну да.

Сун Луань выглядела невинной.

— Я не писала Хе Рану. Из-за чего ты так злишься?

Чжао Нанью однажды сказал ей, что никогда не будет упоминать о прошлом, но он часто не мог контролировать свои эмоции, особенно то, что Шестой Принц сказал сегодня, что он не мог забыть, даже если бы захотел.

— Тогда я глуп.

Сердце Сун Луань внезапно почувствовало себя немного более виноватым. Когда она хорошенько подумала об этом, именно первоначальный владелец этого тела взял на себя инициативу связаться с Хе Раном. Он тосковал по ней ещё и потому, что она всегда относилась к нему неопределённо.

Это была её вина.

Чжао Нанью отпустил её подбородок, вернулся на своё обычное место и сел. На столе лежала стопка неиспользованной белой бумаги. Он взял кисточку с подставки для пера, встал у стола с бесстрастным выражением лица и спокойно начал практиковаться в каллиграфии.

Его лицо было лёгким и свежим.

Сун Луань, вероятно, понимала его характер. Она заставляла его чувствовать себя неловко, а он, в свою очередь, заставлял её чувствовать себя плохо и расстраиваться. Он постарается превзойти её в других вопросах.

Она медленно подошла к нему и сказала:

— Я обещаю тебе, пока я твоя жена, я никогда не сделаю ничего, что заставит меня извиниться перед тобой.

Чёрные чернила небрежно капнули на бумагу. Он отложил ручку.

— И это всё?

Разве этого недостаточно?

Чжао Нанью тихо вздохнул, думая, что сможет услышать слова любви из её уст. На самом деле он знал, что до тех пор, пока он не попросит, она никогда не признает, что он ей нравится.

Более того, даже если бы он попросил об этом, симпатия Сун Луань не имела никакого веса. Это были бы лишь простые слова, которые она могла произнести и с закрытыми глазами.

Он схватил её маленькую руку и притянул к себе. Сун Луань сидела на его коленях. Его сильная рука лежала на её талии.

— Ну, этого достаточно...

Почему он так зол на неё? Потому что у неё не было ни "сердца, ни лёгких".

В тот вечер Чжао Нанью взял её за руку и научил практиковаться в письме китайских иероглифов. Сун Луань долго отказывалась. Чжао Нанью следил за тем, как она пишет, и сказал:

— Твои слова такие уродливые.

У неё не было никакого стиля письма. Она даже написала не те слова.

Сун Луань нельзя было винить за всё это. Она не могла написать иероглифы этой династии. Первоначальный владелец этого тела не был человеком, готовым усердно учиться. Она не могла разобрать даже нескольких слов.

Чжао Нанью стоял позади неё. Обхватив своими маленькими ручонками его большие ладони, она писала на бумаге штрих за штрихом.

Звук дыхания Чжао Нанью прошёл мимо её уха, и Сун Луань покраснела. Выражение её лица и действия не были естественными.

— Ты даже не так хороша, как твой сын, – поддразнил её Чжао Нанью.

Сун Луань была смущена тем, что он сказал, и уже хотела возразить, как Чжао Нанью сказал:

— Я слышал от твоего брата, что ты никогда хорошо не учила уроки после того, как приходила домой из школы. Все твои задания были сделаны кем-то другим.

— Мой брат такого не говорил.

Чжао Нанью усмехнулся.

— Раз ты говоришь, что это неправда, то последнее слово за тобой.

Сун Луань подумала, что Чжао Нанью пытается уговорить её. Её сердце заколотилось быстрее, а щёки горели. Его нежный тон заставил Сун Луань смутиться!

— Ты и мой брат хорошо ладите? Почему я не знала об этом раньше?

Сун Луань не помнила, что старший брат первоначального владельца этого тела и главный герой знали друг друга.

Чжао Нанью кивнул:

— Неплохо.

За последние несколько лет Чжао Нанью и Сун Хэцин виделись много раз и разговаривали наедине более двух раз. В то время Сун Луань была не так умна, как сейчас. Она была очень непослушна, поэтому часто выбегала на встречи с разными мужчинами.

Такого рода вещи не могли быть скрыты, и Сун Луань не скрывала этого. Чжао Нанью по-прежнему шёл своей дорогой, несмотря на ветер и дожди в столице.

Поэтому каждый раз, когда появлялся слух, Сун Хэцин всегда отправлялся на его поиски или извинялся и придумывал новые оправдания для Сун Луань. Со временем Чжао Нанью много услышал о Сун Луань из уст Сун Хэцина.

Сун Хэцин был хорошим братом, но он слишком сильно любил свою сестру. Это было не очень хорошо.

— Твой брат также сказал, что в молодости ты часто издевалась над другими.

— Непомню такого. А почему ты не рассказывал мне, каким был в детстве?

Голос Чжао Нанью был немного тяжёлым.

— Когда я был ребёнком, меня не любили так сильно, как тебя.

До семи лет он ходил за матерью, чтобы просить милостыню. Он был смещён и часто подвергался издевательствам. После того, как его мать умерла, он был подобран семьёй Чжао. О еде и одежде он не беспокоился. Однако многие втайне смеялись над ним, и его кузен издевался над ним.

Во время весеннего праздника старая леди никогда не дарила ему денег и не оставляла ему еды.

У Чжао Нанью были очень плохие воспоминания о детстве, но он думал, что Сун Луань, должно быть, избалованная девочка, которая росла в тепле и защите.

Когда-то давно Чжао Нанью ненавидел её своевольные и безрассудные поступки, ненавидел её благородный вид.

Теперь он любит её.

Да, она милая.

Милая и прекрасная.

Сун Луань не стала продолжать расспросы. Она просто спросила об этом из вежливости.

Ненормальное поведение Чжао Нанью, не потому ли, что его детство было слишком

несчастливым?

Она занималась каллиграфией, но вскоре перестала понимать, что происходит. Она не знала, что произошло, когда Чжао Нанью резко повернул её к кровати.

С тех пор как заболел их сын, они не занимались любовью.

Может быть, Чжао Нанью слишком долго терпел, но, скорее всего, это было из-за её и его дел, и он был полон решимости восполнить пробелы.

Сун Луань усвоила один урок. Хотя её слезы и были бесполезны перед Чжао Нанью, его движения были мягче, пока она плакала от боли и притворялась, что ей немного больно.

Сун Луань стонала и бормотала:

— А-ах... Это больно... Пожалуйста, будь нежнее. Я физически слаба...

Чжао Нанью поцеловал её в уголок рта и, казалось, поверил её словам:

— Тебе правда больно?

Сун Луань кивнула и солгала, не дыша.

— Да.

Услышав её, Чжао Нанью стал помягче. Однако, он не преминул заметить её слабые актёрские способности.

Ночь была очень долгой, и у Сун Луань не осталось сил на то, чтобы даже пошевелиться.

На следующий день Сун Луань поздно встала с постели.

Первое, что она сделала после того, как оделась, – попросила бабушку Линь приготовить ей миску супа.

Словам Сун Луань могли повиноваться только слуги. Бабушка Линь уже давно служила в резиденции Чжао и была верна своему хозяину. Но на Сун Луань, которую защищал её муж, бабушка Линь жаловалась. В глубине души она считала, что эта женщина не стоит того, чтобы с ней хорошо обращаться. Теперь, когда она пила суп Бози только для того, чтобы не иметь детей, бабушка Линь стала ещё холоднее к ней.

Чжао Нанью вернулся с улицы после тренировки с мечом. Сун Луань в комнате только что выпила суп Бози. Во рту у неё была горечь. Она съела две конфеты, прежде чем смогла избавиться от отвратительного запаха лекарства во рту.

Чжао Нанью молча наблюдал, как она принимает лекарство, и налил ей чашку воды. Сун Луань взяла чашку и тихо поблагодарила его.

Сун Луань видела, что Чжао Нанью был в плохом настроении. Она вздёрнула подбородок и подумала про себя, что этот человек каждый день выглядит очень несчастным, но сегодня утром его лицо было особенно противным.

Они позавтракали вместе. Сун Луань, как обычно, отправилась к сыну. Наконец-то ребёнок перестал кашлять. Лицо его порозовело, и болезнь была излечена.

Сун Луань была счастлива, увидев его. В полдень она собиралась приготовить ему миску тушёной свинины.

Он долго страдал от своей болезни. Он мог есть только лёгкие овощи и кашу, а жирная пища была ему запрещена. Видя, что его мясистые щёки сильно похудели, она почувствовала сильную боль.

В последнее время ей нравилось помогать сыну одеваться. После того, как она красиво одела его, в её сердце появилось чувство достижения. Сначала она хотела пойти одна, но потом маленький Чжао уговорил её позволить ему пойти с ней.

Сун Луань надела для него красный плащ. Была осень. Она боялась, что ребёнок замёрзнет. Она накинула на себя плотный плащ. Его воротник был из белой лисьей шерсти. Он был тёплым на ощупь.

Губы ребёнка были красными, а зубы – белыми.

Сун Луань обняла его и увела. Чжао Нанью увидел, как она обнимает маленького Чжао. Его глаза и брови были полны счастливой улыбки.

Внезапно он подумал, что если бы у него была ещё одна дочь, такая же очаровательная и прекрасная, как Сун Луань, это было бы здорово.